

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛА «БОЛЕТЬ» В ТЕКСТАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ван Тяньсюе

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
oksana09231213@gmail.com

THE FUNCTIONING OF THE VERB "TO BE SICK" IN THE TEXTS OF F.M. DOSTOEVSKY

Wang Tianxue

Summary: The article is devoted to the study of the lexeme "to be sick" within the semantic field of F.M.'s creative heritage. Dostoevsky. The author examines the place and role of verbal predicates in fiction in general, as well as in relation to the idiosyncrasies of the idiosyncrasy and idiolect of F.M. Dostoevsky. The significance of the study of the lexical structure of the writer for understanding his linguistic personality is shown by the example of Dostoevsky's use of word forms and combinations based on the verb word "to be sick" (taken into account his paradigmatic connections). Relying on Dostoevsky's idioglossary, the author of the study describes the nature of the syntagmatic connections of the verb "to be sick" with other concepts that make up the basic concepts of Dostoevsky's philosophical and artistic vision - "man", "life", "death", "fear", etc. Semantics, combinatorics, features of grammatical organization and syntactic allocation of verbal combinations based on the lexeme "to be sick" are considered in connection with the ideological specifics of the writer's work, which, according to the author of the article, is largely determined by the imperatives of Russian Orthodoxy. Additional semantic nuances in the analysis of the discourse of the ideoglossy "disease" are brought by the circumstances of Dostoevsky's life path.

The article shows that the main purpose of the verb "to be sick" in Dostoevsky in functional and psychological terms (in addition to its traditional meaning) is the manifestation of the hero's falling out of the usual course of events, his inability to find a place in the real world and, as a consequence, spiritual confusion, withdrawal into himself. As an illustration, quantitative data are given on the frequency of the use of this verb by Dostoevsky in his works (differentiated by the works of the writer, in accordance with the accepted periodization of his work) – for example, the verb occurs 56 times in the texts of the writer.

No less important is the review of textual connections of the lexeme "to be sick" and related lexico-grammatical units in the space of texts of F.M.'s works. Dostoevsky. As a result of the research carried out by the author, a specific type of context is revealed, which is formed in Dostoevsky's literary text on the basis of the verb "to be sick", which reflects, among other things, the diverse reflection of the writer himself.

Keywords: Dostoevsky's linguistic personality, the role of the verb in a literary text, the verb "to be sick" in the works of F.M. Dostoevsky, idioglossus, Dostoevsky's thesaurus.

Аннотация: Статья посвящена исследованию лексемы «болеть» в рамках семантического поля творческого наследия Ф.М. Достоевского. Автор рассматривает место и роль глагольных предикатов в художественной литературе в целом, а также применительно к особенностям идиостиля и идиолекта Ф.М. Достоевского. Значение исследования лексического строя писателя для понимания его языковой личности показано на примере использования Достоевским словоформ и сочетаний на основе глагольного слова «болеть» (взятого с учетом его парадигмальных связей). Опираясь на идиоглоссарий Достоевского, автор исследования описывает характер синтагматических связей глагола «болеть» с другими концептами, составляющими опорные понятия философско-художественного видения Достоевского, – «человек», «жизнь», «смерть», «страх» и пр. Семантика, комбинаторика, особенности грамматической организации и синтаксического выделения глагольных сочетаний на основе лексемы «болеть» рассмотрены во взаимосвязи с идейной спецификой творчества писателя, которая, по мнению, автора статьи, во многом определяется императивами русского православия. Дополнительные смысловые оттенки при разборе дискурса идеоглоссы «болезнь» приносят обстоятельства жизненного пути Достоевского.

В статье показано, что основным назначением глагола «болеть» у Достоевского в функционально-психологическом плане (помимо его традиционного значения) является манифестация выпадения героя из привычного хода событий, его неспособность найти себе место в реальном мире и, как следствие, духовное смятение, уход в себя. В качестве иллюстрации приводятся количественные данные о частотности использования указанного глагола Достоевским в своих работах (дифференцированно по произведениям писателя, в соответствии с принятой периодизацией его творчества), – так, глагол встречается в текстах писателя 56 раз.

Не менее важное значение имеет обзор текстуальных связей лексемы «болеть» и родственных ей лексико-грамматических единиц в пространстве текстов произведений Ф.М. Достоевского. В результате выполненных изысканий автором выявлен специфичный тип контекста, формирующийся в художественном тексте Достоевского на основе глагола «болеть», который отражает, в том числе, разноплановую рефлексию самого писателя.

Ключевые слова: языковая личность Достоевского, роль глагола в художественном тексте, глагол «болеть» в произведениях Ф.М. Достоевского, идиоглосса, тезаурус Достоевского.

В истории русской литературы фигура Ф.М. Достоевского стоит особняком. В его романах с удивительной, почти надрывной экспрессией выписан психологизм и драматизм русского характера, разрывающегося

противоречиями, заложенными зигзагами эволюции национального самосознания. Необычен и противоречив инструментарий, посредством которого Достоевский раскрывает перед читателем систему идейных устано-

вок своих персонажей, – имеется в виду, прежде всего, стилистика его литературных произведений, наполненная непривычными и необычными словоформами, многослойными по смыслу и избыточными с точки зрения грамматической структуры.

В связи с этим вспоминается высказывание Л.Н. Толстого, который отмечал, что произведения Достоевского (за скобки Толстой при этом выносил лишь повесть «Записки из Мертвого дома») весьма громоздки по качеству изложения и языковой выразительности. «Действительно, – говорил Лев Николаевич, – отдельные места прекрасны, но в общем... – это ужасно! Какой-то выделанный слог, постоянная погоня за отысканием новых характеров, и характеры эти только намеченные». Достоевский, по мнению Толстого говорит так, что «в конце концов, остается какой-то туман над тем, что он хотел доказать»; при этом в преподносимой им философии отмечается «странное смешение высокого христианского учения с проповедованием войны и преклонением пред государством, правительством и попами». Кроме того, сетовал автор «Войны и мира», «все действующие лица, начиная с пятнадцатилетней девочки, говорят одним языком, языком самого автора». Толстой называет стиль изложения сюжета Достоевского «натянутым», «деланным»; «прочтите несколько глав... и вы узнаете всё последующее, весь роман...». Таково резюме одного из выдающихся современников Достоевского – коллеги по писательскому цеху.

И в то же время нет ни одного литературного критика или филолога, который бы решился поставить под сомнение писательский гений Достоевского. И этот факт – так же, как и приведенные выше острые ремарки Л.Н. Толстого, – базируется на особенностях стиля Достоевского, который формировался и вызревал под воздействием таланта и жизненных коллизий Федора Михайловича; судьба подчас обходилась с Достоевским несправедливо, а порой и крайне жестоко.

Достоевский – писатель, творчески подходивший к использованию изобразительно-выразительных средств русского языка, смело экспериментировавший с ним, видоизменяя до неузнаваемости ту или иную языковую норму языка, ломая канонические композиционные решения. Нередко эти опыты приводили к искусственному усложнению речи персонажей или даже смысловому хаосу, – но ведь сумбур и хаос как нельзя лучше передают стихийность экспрессии «русской души», стремящейся обрести смысл жизни, утвердить единственно верную систему ценностей, здесь и сейчас, невзирая на цену, которую придется уплатить за торжество справедливости.

Эмоциональность, с которой Достоевский описывает переживания своих героев, связанные с необходимостью выбора между жизнью и смертью, долгом и

страстным порывом, земным и духовным, указывает на то, что и сам автор, плечом к плечу со своими персонажами проходит тернистый путь испытаний, уготованных им сюжетом. Причем, помещая действующих лиц своего повествования (а значит, и себя самого) в сложные, часто невыносимые условия, Достоевский предоставляет им относительную свободу действий в условиях неопределенности [17].

И все же тексты Достоевского изобилуют скрытыми знаками и потаенными символами, объясняющими читателю природу этих неровных, склонных к самоистязанию характеров. Череду событий, которые автор описывает в присущей только ему манере, постепенно складываются в пусть и мозаичную, но вполне законченную картину художественного метода писателя – нам становятся понятными закономерности поведения и мотивационные установки героев, социальные триггеры, заставляющие то или иное лицо действовать определенным образом, – всё как бы обретает свое место в теле произведения и свою форму – форму живой, эмоционально заряженной, временами почти разговорной лексико-семантической материи, формирующей ту самую индивидуальную писательскую манеру Достоевского – его идиостиль [18].

Каждой словоформе в пределах стиля Достоевского соответствует как прямое (семантическое), так и переносное (символическое) значение, которые конкретизируются при помещении языковой единицы в подготовленную для нее писателем смысловую и языковую среду.

Сложность и многоуровневость языка Достоевского, бывает, по-разному воздействует на его читателя – иногда отталкивают, иногда, наоборот, будят в подсознании неожиданные образы и ассоциации. Тягостная атмосфера его произведений – серьезное испытание даже для последовательных поклонников творчества Достоевского, – но разве можно иначе погрузиться в омут человеческих страстей и пороков, прочувствовать трагедию человека, сознание которого обездвижено оковами мещанского бытия и навязанных условностей.

Язык и авторский стиль Достоевского изучены достаточно подробно, более подробно, чем специфика литературных методов иных писателей (за исключением, разве что, А.С. Пушкина). Достоевский – один из немногих представителей классического русского литературного пантеона, удостоившийся составления ряда персональных лингвистических справочников – Словаря языка Достоевского [20], Статистического словаря Достоевского [21]. Для рассматриваемой нами проблематики – определения места глагола «болеть» в творческом наследии Достоевского – обращение к указанным справочным изданиям крайне важно.

Так, благодаря Статистическому словарю мы можем

точно установить частотность употребления данного глагольного слова во всех работах Достоевского, включая публицистику и тексты эпистолярного жанра (см. табл. 1 и 2).

Лингвистические и литературоведческие исследования идиостиля Достоевского проводились как в разрезе особенностей структуры его литературного наследия, поиска скрытых смыслов и закономерностей построения сюжета, так и применительно к функционированию определенных словоформ в его текстах. Сложность подхода Достоевского – именно в формальной спонтанности сменяющихся по ходу сюжета картин, фантомности связей и отношений, в которых следует разобраться читателю для того, чтобы проследовать за мыслью автора.

Анализ языка литературных произведений Ф.М. Достоевского в общем случае предполагает рассмотрение трех структурных пластов (подсистем):

- язык как собственно текст всех произведений одного автора, взятых в единстве, с учетом особен-

ностей композиции и образности, присущей данному конкретному автору;

- язык как система приемов и правил синтаксического, грамматического характера, специфики словообразования, богатство лексического запаса и авторского стиля повествования;
- язык как отражение окружающей писателя социо-исторической среды – атмосферы эпохи периода его творчества.

На основе этих подсистем воссоздается уникальный лингвистический рисунок авторского художественного метода – «языковая личность писателя», которая не в последнюю очередь влияет на восприятие литературного произведения [12].

Такое трехступенное строение языковой личности соответствует традиционно применяемым в научном дискурсе направлениям изучения языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний и пр.): семантическому, когнитивному и экспрессивно-прагматическому. При-

Таблица 1.

Относительная частота упоминания глагола «болеть» и его парадигмальных форм в творчестве Ф.М. Достоевского

Всего	Периоды творчества			
	1844–1849	1859–1865	1866–1872	1873–1880
56	18	11	15	12

Таблица 2.

Относительная частота упоминания глагола «болеть» и его парадигмальных форм дифференцированно по произведениям

Наименование произведения	Год написания	Кол-во упоминаний
Бедные люди	1844	1
Хозяйка	1847	4
Неточка Незванова	1848	7
Белые ночи	1848	1
Маленький герой	1849	1
Село Степанчиково и его обитатели	1859	1
Униженные и оскорблённые	1861	6
Скверный анекдот	1862	1
Записки из подполья	1864	3
Преступление и наказание	1866	5
Игрок	1866	1
Идиот	1869	5
Вечный муж	1870	1
Бесы	1872	3
Подросток	1874	4
Мальчик у Христа на ёлке	1876	1
Братья Карамазовы	1880	7

чем каждое направление исключительно специфично в плане лексикографического образа конкретного автора и проявляется, в том числе, в наделении тех или иных словоформ статусом т.н. идиоглосс.

Идиоглосса – это слово, часто встречающееся в текстах определенного автора, стержневое слово-понятие (с гр. *idios* – «своеобразный», *glossa* – «язык»), которое наделено «мощным ассоциативным потенциалом», оно «образует в текстах большое словообразовательное поле и обладает другими качествами, концентрированно выражая своеобразие авторского языка и позволяя использовать в его описании максимальное число лексикографических параметров» [6].

Поскольку нас интересует характер использования конкретной лексемы в творчестве писателя, то имеет смысл показать особенные черты тезауруса Достоевского (как основного инструмента, используемого писателем для трансляции своей философии и мировоззрения) и выделить опорные идиоглоссы, высветив их коннотативные свойства и контекст, в котором они употребляются.

Итак, повторимся: идиоглоссы – отражение лексического строя авторского идиолекта – слова с мощным когнитивным потенциалом. У Достоевского к таким словам можно отнести следующие: «человек», «жизнь», «время», «любовь», «ненависть», «болезнь» и т.п., а также их парадигмальные формы. При этом показатель относительной частоты употребления слова в текстах автора столь же значим, как и его семантическое значение (разумеется, с учетом его контекстуального окружения). Оттенки семантики идиоглосс изучаются во взаимосвязи с текстом, в котором оно встречается. Важное значение в этом смысле будет иметь и синтаксическая организация фрагментов текста, содержащего идиоглоссы. Так, например, академик Д.С. Лихачев указывал на необычные комбинации глаголов или существительных у Достоевского с предлогом, который часто появлялся в таких сочетаниях слов, в которых его быть согласно языковым правилам не должно; столь же непривычны конструкции глагола с иными частями речи для создания нужного эффекта: «Ноги его дрожали. «От страху», — пробормотал он про себя. Голова кружилась и **болела от жару**. «Это хитрость! Это они хотят заманить меня хитростью и вдруг сбить на всем, — продолжал он про себя, выходя на лестницу» («Преступление и наказание»); «В последние два дня он был в таком невообразимом состоянии, что действительно **мог заболеть воспалением в мозгу**, как сам потом говорил» («Братья Карамазовы»).

Градация идиоглосс по значимости у Достоевского, как и характер их взаимодействия в пространстве художественного текста тесно увязаны с метасимволикой, присутствующей в его произведениях. Причем слова-

символы причудливо комбинируются друг с другом, порождая новые подтексты, тонко манипулируя эмоциональным фоном. Вот, скажем, пример избыточного употребления одной и той же словоформы с целью, как представляется, передачи взволнованного состояния персонажа и его неспособности подобрать правильные слова: «Иногда же графиня не ездит с нею, а отпускает ее одну с француженкой, **которая теперь больна**. Бывает же это, когда у графини **болит голова**; а потому и ждать надо, когда у ней **заболит голова**» («Униженные и оскорбленные»).

В мире Достоевского концепты «любовь», «страсть», «страх» самым непосредственным образом пересекаются с идиоглоссой «болезнь». По сути, «любовь» и «страх» и есть этим «болезни» у Достоевского. Парадигмальные лексико-семантические номинации «болезни», к которым можно отнести, в том числе, существительное «боль», глагольные лексемы («болеть», «болит») в текстах Достоевского предстают связанными со словами «желтый», «вонь», «голова». К такому заключению приводит изучение комплекса синтагматических связей идиоглосс в произведениях писателя и соответствующих им ассоциативных рядов. При этом компенсаторную функцию «любви» и «страха», реализует у Достоевского аффективное начало – «смех».

Вокруг указанных выше символических сцепок формируются группы прочих семантических ассоциаций, находя свое место на оси, с нанесенными на нее отметками-значениями «жизнь», «болезнь», «смех». Так, парадигмы идиоглоссы «нерв» займут свое место на отрезке «болезнь – смех», но в окрестности значения «болезнь»; идиоглосса «вдруг» позиционируется на отрезке «жизнь – смерть», в зоне, тяготеющей к концепту «смерть» [19].

Подробнейшим образом взаимоотношения концептуальных маркеров и мировоззренческих «якорей» в контексте творческого метода Достоевского рассмотрены в известном Словаре-идиоглоссарии Достоевского, принадлежащем перу Ю.Н. Караулова; в нём описывается природа художественного мира писателя через систему используемых им языковых средств с учетом особенностей тезауруса Достоевского, включающего более 2,2 тыс. единиц, многие из которых выступают смысловыми ядрами, вокруг которых формируется материя образов, выстраиваются сюжетно значимые соотношения.

Глагольное слово «болеть» (как эманация идиоглоссы «болезнь») в художественных текстах Ф.М. Достоевского в «чистом виде» встречается, как можно заметить из приведенного выше статистического среза довольно редко, что связано с его морфологической спецификой. В то же время родственные ему глаголы весьма востребованы в текстах писателя, что обосновано важнейшим значением глагола как части речи в пространстве литературного

языка (об этом писали в своих работах А.А. Потебня, С.Д. Кацнельсон и ряд др. филологов).

Действительно, глагол выступает «доминантой русской лексики» [9], что детерминировано сложностью его природы, а также «разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей» [5] – в этом отношении глагол имеет заметно больший вес, нежели другие слова. К тому же семантический потенциал глагола находится в постоянном движении, он весьма гибок в лексико-грамматическом плане [2]. Глагол позиционирован в самом эпицентре «арены борьбы взаимодействия грамматических и лексических значений» [8], поскольку его лексическое значение позволяет оказывать воздействие на соотносимость в видовом отношении, а также предполагает наличие форм совершенного и несовершенного вида.

Лексико-семантический портрет глагола как части речи раскрыт в трудах многих ученых-языковедов – А.В. Бондарко и Н.С. Авилова, Ю.С. Маслова и М.А. Шелякина [1; 15]. При этом в последнее время обозначился уклон в сторону изучения перспектив дифференциации глаголов по семантическому признаку, предполагающему анализ функционирования различных видовых форм, а также с точки зрения потенциала лексического статуса глагола как языковой единицы (ранее акцент делался на изучении перспектив образования видовых пар глаголов в зависимости от их семантики [4; 16]). Лексический потенциал глагола характеризуют «свойства, вытекающие из тех особенностей глагола, которые присущи ему как представителю определенного лексико-семантического класса» [3]. Играя ключевую роль в основе предложения, формируя его каркас, глагол выполняет функцию узлового центра, обладающего предикативными характеристиками времени и модальности, выступает неотъемлемым звеном в цепочке взаимодействия членов предложения. Вышесказанное объясняет целесообразность исследования глагольных слов через определение их принадлежности к лексико-семантическим группам и анализ семантического поля, существующего в прилегающем к ним синтаксическом пространстве.

С точки зрения лексико-семантического значения глаголы можно дифференцировать на ряд классов (групп) [6]:

- бытийные и событийные;
- релятивные (выражающие отношение);
- квалитативные (выражающие свойства);
- оценочные;
- статуальные (выражающие состояния);
- глаголы положения в пространстве;
- семейство глаголов действия, воздействия и движения;
- семейство глаголов чувственного и умственного

восприятия; глаголов физиологических и психофизиологических процессов;

- функциональные (глаголы, употребляемые в переносном значении).

Анализ художественного текста через призму вербально-семантического статуса используемых в нем глагольных слов дает весьма интересный материал для понимания структуры образности литературного произведения.

Глагол «болеть» и его парадигмы относят к статуальным глаголам. Их семантический профиль определяется прочной связью с идеоглоссами «боль» и «болезнь» у Достоевского, а также сопряженных с ними по смыслу идиоматических конструкций, передающих, как правило, неготовность персонажа принимать участие в каком-либо действии или событии. Чаще всего «болеть», «болит», «заболеть» в тексте соседствует с привычными в речевой практике лексемами «голова», «кости», «сердце»: «Я, разумеется, не дам совершиться убийству, как не дал и сейчас. Останься тут, Алеша, я выйду походить по двору, у меня **голова начала болеть**» («Братья Карамазовы»); «Нет, — мне слез ее надобно было, мне испуг ее видеть надобно было, смотреть, как **сердце ее болит** и терзается!» (из романа «Преступление и наказание»).

Нередко Достоевский использует глагол «болеть» в привычном значении – для передачи физиологической немощи персонажа: ««Кошмар во всю ночь!» Он злобно приподнялся, чувствуя, что весь разбит; **кости его болели**. На дворе совершенно густой туман и ничего разглядеть нельзя», «Вина, например, совсем не пью. Кроме шампанского, никакого, да и шампанского-то в целый вечер один стакан, да и то **голова болит**», «Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человек, малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился. Сверх того, у него почти **постоянно болели глаза**», «Он приподнялся с усилием. **Голова его болела**; он встал было на ноги, повернулся в своей каморке и упал опять на диван», «Он съел немного, без аппетита, ложки три-четыре, как бы машинально. **Голова болела меньше**. Пообедав, протянулся он опять на диван, но заснуть уже не мог, а лежал без движения, ничком, уткнув лицо в подушку» («Преступление и наказание»); «Да... у меня и **сегодня что-то голова болит**, — отвечала она рассеянно. — Не видал ли кого из наших? — Нет. Завтра схожу. Ведь вот завтра суббота...», «Мамаша приехала сюда очень больная, — прибавила Нелли тихим голосом, — у ней грудь очень болела. Мы долго искали дедушку и не могли найти, а сами нанимали в подвале, в углу» («Униженные и оскорбленные»); «Я же не помнил, что он входил. Не знаю почему, но вдруг ужасно испугавшись, что я «спал», я встал и начал ходить по комнате, чтоб

опять не «заснуть». Наконец, **сильно начала болеть голова**» («Подросток»); «Больны? да, в самом деле! Давно ли, как, каким образом **вы изволили заболеть**? Угодно, я скажу... какой медик вас лечит? Угодно, я сейчас скажу нашему частному доктору. Я сам, лично, к нему побегу. Искуснейший человек!» («Хозяйка»); «Но разве эта толстая Александра не потянулась за ней тоже свои космы обрезать, и уже не по злости, не по капризу, а искренно, как дура, которую Аглая же и убедила, что без волос ей спать будет покойнее **и голова не будет болеть?**», «У него действительно **болела голова**, к тому же он убеждался всё больше и больше, что Лебедев его надувает и рад, что отодвигается дело» («Идиот»); «Эх, всякий нужен, Максимушка, и почему узнать, кто кого нужней. Хоть бы и не было этого поляка вовсе, Алеша, тоже ведь разболеться сегодня вздумал. Была и у него. Так вот нарочно же и ему пошлю пирогов, я не посылала, а Митя обвинил, что посылаю, так вот нарочно же теперь пошлю, нарочно! Ах, вот и Феня с письмом! Ну, так и есть, опять от поляков, опять денег просят!» («Братья Карамазовы»).

Встречаются у писателя глагольные парадигмы, построенные на базе слова «болеть», в структуре фразеологизмов, внедренных в реплики персонажей. Эти устойчивые обороты, напротив, призваны передать крайнюю степень мотивированности героев в совершении определенных действий: «Для чего я не служу, милостивый государь, — подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос, — для чего не служу? **А разве сердце у меня не болит о том**, что я пресмыкаюсь втуне?» («Преступление и наказание»); «На презрение человека низкого она, конечно, отвечала бы только презрением, но все-таки болела бы сердцем за насмешку над тем, что считала святыней, кто бы ни смеялся» («Униженные и оскорбленные»); «Я не знаю... может быть, может быть; вы во многом правы, Евгений Павлович. Вы чрезвычайно умны, Евгений Павлович; **ах, у меня голова начинает опять болеть**, пойдете к ней! Ради бога, ради бога!», «К тому и вел, что за руки будут держать; на то и тетрадку прочел, — заметил Рогожин. — Прощай, князь. Эк досиделись; **кости болят**» («Идиот»); «...Я понимала, что значили эти деньги для бедной матушки; знала, что она **могла заболеть от огорчения**, потеряв их, и во мне мучительно кричало раскаяние», «Конечно, такие перемены происходили во мне только порывами потом **сердце опять начинало болеть сильнее** и сильнее, и я становилась еще слабее, еще малодушнее, чем прежде» («Неточка Незванова»).

Указанную контекстуальную связь рассматриваемых глагольных форм иллюстрирует выборка из Статистического словаря Достоевского (см. табл. 3).

Таблица 3.

Наиболее часто встречающиеся в произведениях Ф.М. Достоевского текстуальные связи лексемы «болеть» и родственных ей лексико-грамматических единиц (ЛГЕ)

Лексико-грамматическая единица	Контекстуально связанные ЛГЕ (отн. частота упоминаний)
«болезнь» (встречается в текстах 371 раз)	арестант (11)
	более (22)
	больной (13)
	бред (11)
	бывать (11)
	весьма (15)
	время (39)
	всегда (21)
	день (47)
	доктор (25)
	её (40)
	иногда (15)
	лежать (14)
	несколько (20)
	ночь (20)
	падучий (16)
	первый (28)
	последний (21)
	постель (11)
	почти (30)
	прежний (13)
	припадок (29)
	совершенно (24)
	состояние (16)
	умереть (13)
«болен» (встречается в текстах 232 раза)	в самом деле (10)
	вечер (11)
	вчера (10)
	впрочем (18)
	давно (15)
	действительно (12)
	день (30)
	как-будто (15)
	лежать (11)
	очень (34)
	сказать (41)
	спросить (16)
	старик (14)
	голова (24)
«болеть» (встречается в текстах 40 раз)	опять (10)
	кружиться (29)
«болит» (встречается в текстах 81 раз)	голова (27)
	сердце (23)

Частота текстуальных связей глаголов «болеть», «болит» и сопряженных с ними отглагольных форм с лексемами «голова», «сердце», «очень», «кружится» говорит о многом. В частности, Достоевский, страдая от эпилепсии, скорее всего со временем научился распознавать ее предвестники – симптомы, которые так или иначе связаны с признаками «сумеречности» сознания и, конечно, ощущал надвигающийся момент обострения болезни, испытывая связанное с этим фактом внутреннее психофизиологическое напряжение. Эта психическая нестабильность и внутренняя покорность страданию отчасти сквозит и в персонажах его произведений.

Здесь уместно будет обратиться к нюансам биографии писателя, что позволит нам перебросить мостки к некоторым свойствам языковой личности писателя. Так, сильное воздействие на формирование характера и самоощущения Достоевского оказал образ его отца – Михаила Андреевича. Несмотря на в целом ровное отношение к родителю, Достоевскому со временем стали известны нелепые подробности из жизни и трагической смерти отца, погибшего от рук недовольных его самоуправством крестьян. По свидетельству очевидцев, М.А. Достоевский отличался авторитарным и даже деспотичным характером, который, как говорят, сказывался и на его взаимоотношениях с близкими. Последствия далеко небезоблачного отрочества Достоевского некоторые исследователи его творчества склонны усматривать и в недуге (эпилептическом синдроме), от которого писатель страдал многие годы и который стал причиной смерти его собственного сына в возрасте трех лет (унаследовавшего эту болезнь от отца). Отрадилось заболевание, видимо, и на семейном укладе жизни Достоевского в рамках двух его браков, которые вряд ли можно назвать счастливыми. Отголоски душевных переживаний, ассоциированных с этими фактами биографии писателя, можно при известной настойчивости отыскать и в последнем масштабном его полотне – романе «Братья Карамазовы», препарирующем проблему отцеборства и отцеубийства.

Событием, радикально перевернувшим жизнь Достоевского, стало его увлечение социалистическими идеями. В двадцатипятилетнем возрасте Достоевский сошелся с петрашевцами, пропагандировавшими коренное политическое реформирование русского общества. Став активным проводником идей В.Г. Белинского, Достоевский перешел условную «красную черту» и попал в число «врагов государства». В 1849 году, после разгрома кружка М.В. Петрашевского, начался семилетний этап биографии, который оказал неоднозначное влияние на личность писателя: арест, восемь месяцев заключения в Петропавловской крепости, смертный приговор и последующая неожиданная замена смерти каторжными работами в Семипалатинске, – все эти события подорвали и без того слабое здоровье Достоевского, серьезно

повлияли на его общее психическое состояние. В дальнейшем болезненность (и физиологическая, и душевная) стали постоянным спутником Достоевского.

Вот почему духовные искания и страдания писателя рельефно проступают во всех его произведениях – свинцово-тяжелый, мрачно-депрессивный психологизм и тягостная атмосфера, густо сдобренная межличностными конфликтами, развивающимися на почве некой всепоглощающей болезненной страсти (тяги, склонности), стали визитной карточкой художественного метода Достоевского.

Нужно сказать, что лексико-семантическая категория «боль» – неотъемлемый элемент отечественной лингвокультурной парадигмы. Истоки этого следует искать в историческом своеобразии усвоения православной культурно-религиозной традиции русской цивилизацией. Страдание, терпение, мученичество – как путь к духовному росту – являются важнейшими опорными точками русского православного мировоззрения, отражая национальный архетип мышления. Сам Ф.М. Достоевский призывал русскую литературу страдать и вместе с тем сочувствовать гонимым и страждущим [14]. Его Раскольников утверждает, что боль, наряду со страданием «всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть». Таким образом, боль для в православном мироощущении это и есть жизнь, во всяком случае ее важная часть; вектор, устремленный к вершинам просветления и недостижимой святости. Иначе и быть не может: любое страдание предполагает столкновение с «болью» (в краткосрочном аспекте) и «болезнью» – в долгосрочном. Более того, по мысли Н.А. Бердяева само человеческое сознание «основано на установке границ от противоположений, причиняющих боль, и не может не быть болью и страданием» [11]. В свою очередь В.И. Даль слово «боль» относит к парадигме физических состояний (болезнь, болесть, хворь, хвороба, хворость, недужина, недуг, немочь, немощь, немогута, скорбь (телесная), хилин, хилина, боля, нездоровье) или же психических («чувство горя, истомы, страданий душевных»).

Большинство персонажей у Достоевского «болеют» – они мучаются и страдают от несчастной любви, от унижения, от физического насилия: «Можете ли вы, Алексей Федорович, несмотря на **страдание от боли**, говорить о совершенных пустяках, но говорить рассудительно?» («Братья Карамазовы»); «Сердце замирало во мне и **мучилось от беспредельной боли**», «Тут я подумала: верно, расспрашивает, и испугалась еще больше, и когда пришла домой, то мамаше ничего не сказала, **чтоб мамаша опять не сделалась больна**. Сама же в лавочку на другой день не ходила; сказала, что **у меня голова болит**; а когда пошла на третий день, то никого не встретила и ужасно боялась, так что бегом бежала» («Униженные и оскорбленные»).

Многоуровневый символизм, заключенный в слове «болеть», позволяет использовать его и в целях придания дополнительных красок характеристике персонажа: «Где дедушка? — спросила она наконец едва слышным и хриплым голосом, **как будто у ней болела грудь или горло**», «Не знаю... Надо как-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье; купить его какими-нибудь новыми муками. Страданием всё очищается... Ох, Ваня, **сколько в жизни боли!** («Униженные и оскорбленные»); «Глупо, глупо! — восклицал Митя, — и... как это всё бесчестно! — прибавил он вдруг почему-то. **У него страшно начала болеть голова:** «бросить разве? Уехать совсем», мелькнуло в уме его. «Нет уж, до утра. Вот нарочно же останусь, нарочно! Зачем же я и приехал после того? Да и уехать не на чем, как теперь отсюда уедешь, о, бессмыслица!» («Братья Карамазовы»).

Фразы, построенные на основе глаголов «страдать», «корчиться», «замирать» и «мучиться» и слова «боль» — симптоматичны для описания сильных эмоций, которые испытывают герои Достоевского: «Тотчас же торопливым шепотом начала она мне рассказывать, что Нелли сначала была очень весела, даже много смеялась, но потом стала скучна и, видя, что я не прихожу, замолчала и задумалась. «Потом стала жаловаться, что **у ней голова болит**, заплакала и так разрыдалась, что уж я и не знала, что с нею делать, — прибавила Александра Семеновна. — Заговорила было со мной о Наталье Николаевне, но я ей ничего не могла сказать; она и перестала расспрашивать и всё потом плакала, так и уснула в слезах» («Униженные и оскорбленные»).

«Болеть сердцем» означает страдать, переживать, нести свой крест. Это состояние заставляет героя поступать в соответствии с высшими этическими принципами. «Болеть» — это, в том числе, и сожалеть, сострадать, каяться — (болеть морально, духовно). Превозмочь состояние болезни можно лишь усовершенствовав окружающую действительность и себя в ней. Как следствие «болезнь» вытесняет героя из серой обыденности, заставляет задуматься о смысле жизни, пересмотреть ценностные установки, увидеть мир таким, какой он есть, полным тягот и невзгод [4].

В лице Достоевского мы имеем дело с национальным, даже по-своему народным писателем. Он признавал, что в определенный момент всё русское сообщество литераторов — его коллеги-современники «как-то уж молча, безо всяких лишних слов, разом сознали, что все написанное нами, вся теперешняя и прежняя литература не годится для народного чтения». Новый литературный слог он старался создавать сам, уходя от приторной академичности и искусственной книжности языка. В этом своем стремлении к прагматизму художественного текста Достоевский во многом походил на другого великого реформатора русского литературного слога — А.С. Пушкина. О том, насколько успешными были опыты Достоевского в этой области, можно спорить, но самобытность живость его текстов однозначно говорят в пользу мощнейшего потенциала его идиолекта, воплотившегося в уникальном стиле писателя и особенностях лексического строя его произведений, проявившихся в его манере использовать отдельные слова или части речи для создания нужного контекста.

Безусловно, задачи, которые Достоевский решал, используя лексику «болеть» в своих текстах целиком и полностью определялись авторским замыслом, сиюминутным художественным поиском наилучшего выражения атмосферы, которая требовалась для развития сюжета. При этом, разумеется, подбор реплик, контекста, языковых форм и средств во многом осуществлялся писателем спонтанно (точнее подсознательно). И задача исследователя заключается в распутывании этого клубка мыслеобразов, в котором, как игла в каше, скрыта заложенная автором идея. Думается, глагол «болеть» и соответствующие ему категории идиостиля — «болезнь» и «боль» — не случайно занимают в Словаре языка Достоевского одно из ключевых мест. Значение этой языковой единицы для понимания авторского психолингвистического посыла трудно переоценить как для понимания контекста (во взаимосвязи с порождаемыми им ассоциативными и синтаксическими параллелями), так и для того, чтобы разглядеть за этим контекстом образ автора — многогранную личность самого писателя как мыслителя, как создателя уникального виртуального художественного пространства, который мы называем миром Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: значение и употребление: Пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971. С. 155–203.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии. // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 131.
4. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. №2. С. 102–111.
5. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
6. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола: сб. статей. Уфа, 1971. С. 213–266.

7. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.: Ленинград: Гос. изд-во, 1930. 187 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1986. С. 410.
9. Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН, 1995. 430 с.
10. Калашникова Ю.А. Лексико-семантическое выражение категории боль в русской художественной литературе XIX в. (на материале произведений Ф.М. Достоевского) // Вестник бурятского государственного университета 2009/10. С. 112–115.
11. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2001.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 4-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 261 с.
13. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX вв. Антология / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. С. 4–16.
14. Касьянова К.А. О русском национальном характере. М.: Изд-во Института нац. модели экономики, 1994.
15. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. С. 48–65.
16. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
17. Писарева К.В. Поэтика детали в романах Ф.М. Достоевского 1860–80-х годов: гардероб действующих лиц: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Смоленск, 2017. 232 с.
18. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1992. С. 9.
19. Ружицкий И.В. О языке Достоевского // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 9. 2013. С. 74–81.
20. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 442 с.
21. Статистический словарь языка Достоевского / А.Я. Шайкевич, В.М. Андрищенко, Н.А. Ребецкая; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Яз. славян. культуры, 2003 (ГУП Моск. тип. № 2). XLVIII. 832 с.

© Ван Тяньсюе (oksana09231213@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова